

СЕРГЕЙ ЗАЛЫГИН в своем творчестве нередко обращается к такому жизненному материалу, который как бы сам собою облекает содержание произведения в очень своеобразную форму.

Это своеобразие обуславливается прежде всего временем и особенно местом действия.

В романе «Комиссия», описывая события осени 1918 года, писатель показал сибирскую деревню Лебяжка, своим географическим положением, историей возникновения, условиями существования словно бы предназначенную в качестве питательной среды для рождения и развития непривычных читательскому восприятию, но столь присущих творческому складу писателя героев, персонажей, сюжета.

Автор с первой страницы подчеркивает внешнюю исключительность рассматриваемого им явления — создания Лесной комиссии: только в Лебяжке это и могло случиться, больше нигде, ни в одной другой деревне или селении.

Вот как чувствовали жители Лебяжки время: жизнь становилась с каждым днем для них непонятнее, порядка было все меньше, страха все больше, война придвигалась все ближе, власть становилась все неизвестнее. Сброшен с престола царь, появилось некое Временное Сибирское Правительство, народилась была власть Советов, но и ее свергли сибирские временщики, потом пришли вести о гражданской войне в России. Лебяжинцы догадывались, что не миновать этого пожара и Сибири, а значит, и их деревне.

Во всем выделяет автор необычность, более того — исключительность судеб Лебяжки и лебяжинцев. Деревня не степная и не лесная, а вроде бы пограничная, но тяготеющая к лесу как к кормильцу своему, как к народному достоянию, прежде оторгнутому от истинного своего владельца — народа и вот ныне, волею исторических обстоятельств, оказавшемуся на попечении народа, в его руках... Построилась в свое время Лебяжка на стыке исторических путей — движения из центральных областей России переселенцев, прозванных «полуявляскими», и встречно-

го потока чалдонов, сибиряков-старообрядцев, отколовшихся от паствы старца Лаврентия, пошедших за Самсоном-Кривым и навлекших на себя Лаврентиево проклятие... Сплав новых взглядов на жизнь, на справедливость и несправедливость жизненного уклада — и обычаев, устоев, верований, представлений, унаследованных от еще во все недавнего прошлого.

Рассказ о том, как выбрали лебяжинец Лесную комиссию, вначале созданную для охраны леса и регулирования порубок на дрова и на постройки, а впоследствии естественно принявшую на себя совсем иные, гораздо более широкие функции органа, облекшего себя не только законода-

ка, все об одном и том же думаете? Да! Вы думаете: «Как же все на свете будет в дальнейшем?»

Очень интересен характер мужика-офицера, дослужившегося в царской армии до чина поручика, а ныне вернувшегося к земле, в Лебяжку, — Родиона Гавриловича Смирновского. В примечательной беседе со Смирновским Николай Устинов стоял на той точке зрения, что если белые армии и белочехи двинутся в центральные русские губернии, то их остановят, потому что крестьяне, поделившие между собою помещичью землю, будут стоять насмерть, но обратно помещиков не допустят. На что последовал вопрос, занимавший ум не одного Родиона

Гавриловича: ну, а Сибирь? Что будет с Сибирью? Ведь на Дальнем Востоке и в Забайкалье едва ли не до самой Читы — японцы, в Омске — батальон англичан... «Да и не знаем мы с тобой, где кто и что, нету газет. Как же будет Сибирь?»

Там, где речь идет о других персонажах, строки романа наполнены добрым юмором, в улыбке сквозит глубокое понимание автором своих героев, сердечное им сочувствие. Таковы главы, посвященные заседаниям Комиссии, даже в протоколах этих заседаний проявляется нравственный смысл ее деятельности.

Здесь проступают мысли, побуждения, порою отчетливо перекликающиеся с животрепещущими современными проблемами. Это, к примеру, мысли о лесе, который и самим необходим, и должен быть также детям и внукам оставлен; о природе, существующей для всех людей и на все времена.

Горячи споры членов Лесной комиссии Дерябина и Калашникова: один настаивает на том, что никто не делает революцию для нее же самой, делают ее для народной справедливости и блага. Возражения другого сводятся к следующему: для блага народа необходима победа революции. А победа придет, когда революция первым делом любимыми средствами позаботится о себе и даже перешагнет через любые блага, хотя бы и народные... Сперва она должна завоевать победу, а уж после «наводить» хотя бы свою собственную справедливость!»

По-своему характеризует непримиримого Дерябина Саморуков, сопоставляя его... с Григорием Сухих: — «Обои вы против общества. Только с разных концов!»

Первая половина романа оставляет впечатление некоторой нарочитой замедленности в развитии сюжета. Тем сильнее воспринимаются взломавшие ритм повествования внезапные удары, смявшие весь философски-созерцательный мир главных героев.

О плотной, емкой словесной фактуре романа, о всем его комплексе изобразительных средств уже много писали.

Сергей Залыгин умеет тонко передать очарование сибирского пейзажа, картин леса. Характер этого произведения выражен и в обильном вторжении в повествование фольклора, сказок, сочиненных и сохраненных самими же лебяжинцами. Самоцветным русским, сибирским словом украшены и эти народные предания, и диалоги героев, и авторская речь.

Интерес, который проявляет к роману Сергея Залыгина «Комиссия» читатель, объясняется тем, что в этом произведении самобытно и талантливо решается одна из важнейших тем нашей литературы, что писателем воссоздана атмосфера незабываемых дней, начало которым положил Великий Октябрь.

Юрий ЛУКИН

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ БОРЬБЫ

тельной, но и исполнительной властью, — этот рассказ, с его драматичным, кровавым финалом, в своем течении раскрывает напряженную внутреннюю жизнь его героев.

Цепкими деталями изобилует психологически сосредоточенная портретная живопись в этом произведении. Остаются в памяти образы многих его героев — людей, духовные силы которых не получили достойного — и ожидавшего их впереди — развития, но и в нынешнем своем качестве незаурядных.

Во внезапных поворотах сюжета раскрывается весьма любопытный образ издана «лучшего человека» Лебяжки, ее старосты Ивана Ивановича Саморукова. Выразительны эпизоды, показывающие неожиданно не только для читателя, но и для самих лебяжинцев, что именно этому человеку, его проницательному уму, даже хитрости его, мужеству обязана Лебяжка тем, что долгое время просуществовала «сама по себе», на какой-то срок оттянув беду колчаковской мобилизации.

Среди персонажей романа выделяется образ пахаря-грамотея, умницы, признанного всей деревней советчика в сложнейших вопросах, человека, в котором Саморуков видит своего преемника, замену себе в недалеком будущем, — Николая Устинова. Его зять Шурка в разговоре с тестем довольно точно замечает: «— ...вы, батя, поди-

Гавриловича: ну, а Сибирь? Что будет с Сибирью? Ведь на Дальнем Востоке и в Забайкалье едва ли не до самой Читы — японцы, в Омске — батальон англичан... «Да и не знаем мы с тобой, где кто и что, нету газет. Как же будет Сибирь?»

Эта атмосфера отъединенности, невведения о происходящем вокруг сохраняется на всем протяжении действия романа, ею во многом и определяются чаяния, надежды, метания героев, порой разлад их мыслей и чувствований.

Привлекает внимание и судьба Зинаиды Панкратовой, весь внутренний облик этой сильной духом женщины, ее ненависть к войне, стремление к книгам, знанию, ее неразделенная, но пронесенная сквозь всю жизнь любовь к Николаю Устинову.

Причудливо развитие характера Григория Сухих, хуторянина-отрубщика, ставшего кулаком, его взаимоотношения с Устиновым — от давней уважительности к невыпеснувшейся ненависти. В несколько неожиданном освещении предстает перед читателем этот человек буйного нрава, сильной воли в эпизодах, где обнажается угнетающая его страсть к Зинаиде Панкратовой.

Жестокими, гневными штрихами рисует писатель в финальных главах богатеев. Вот они — братья Кругловы; прислужник колчаковцев — бывший полицейский Пилипенков; озлобленный волчонок Матвейка Куприянов — олицетворение того, про-